

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК: 882

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЖИТИЙНОГО ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII–XIV ВВ. КАК СВЕРНУТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДУХОВНОСТИ НАРОДА

Алешина Лариса Николаевна,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
Российского государственного социального университета (г. Москва),
115304, Москва, ул. Каспийская, д. 20, к. 2, кв. 6,
тел.: +7 916 940-99-24, e-mail: laura_70@bk.ru*

В статье описывается смысловой и этический потенциал имени в соответствии с исследуемой эпохой. Целями исследования являются определение особенностей языкового выражения житийного имени в письменных памятниках исследуемого периода; выявление корпуса имен, участвующих в передаче предметной картины мира; описание семантического пространства житийного имени собственного. В работе используются следующие общегносеологические методы познания: наблюдение, сравнение, классифицирующий метод описания житийного имени – группировка слов по мотивирующим признакам; контекстуальный анализ; функционально-семантический анализ. Результатом исследования является описание оценочностного характера агиографического имени. В выводах исследования автор утверждает, что в основе житийного имени собственного лежит сочетание социального и индивидуального стереотипных представлений о ценностной картине мира. Личные имена широко использовались книжниками Руси в качестве образительно-выразительного средства.

Ключевые слова: агиография, личное имя, концепт, эталон, идеал, оценка.

Проблема исследования. В русском языке возникают затруднения с идентификацией житийного имени собственного как одного из центральных смысловых компонентов предметной картины мира русского народа, в настоящее время наука не располагает общетеоретическим пониманием этой сущности.

Цели исследования:

- определить особенности языкового выражения житийного имени в письменных памятниках исследуемого периода;
- выявить корпус имен, участвующих в передаче предметной картины мира;
- описать семантическое пространство житийного имени собственного.

С развитием агиографического жанра в древнерусской литературе происходила концептуализация личного имени. В житийных текстах, рекомендованных русской православной церковью для домашнего чтения, как душеспасительной литературы, имя обрастало идеальной аурой (элементы мировидения в языковой картине мира). Так, имена *Святой Ольги, Бориса и Глеба, Илариона, Александра Невского, Авраамия Смоленского, Стефана Пермского, Феодосия Печерского, Сергия Радонежского* представляют собой варианты концептов «Высшее знание», «Духовность», «Мудрость», «Истинность», «Верность», «Неподкупность», «Милосердие», «Человеколюбие», «Мужество», «Ум», «Честь», «Совесть», «Душеспасение», «Благочестие» и др. Этический потенциал данных имен заключается в сопоставлении, сравнении того, что оценивается с эталоном, идеалом; смысловой потенциал имени зависит от ориентации на культурные центры рассматриваемой эпохи и консерватизм агиографа: чем точнее в соответствии с данной эпохой представлен смысловой и этический потенциал имени, тем эффективнее само высказывание. Будучи одним из средств образного воплощения действительности, имя (в позиции определенного субъекта) в ткани «Жития» приобретает и развивает свою семантику, обогащаясь эмоционально-экспрессивными оттенками значения. В агиографии оно приобретает свое оригинальное наполнение. Семантическая структура имени представляет собой совокупность общезыкового понятия и традиционных житийных представлений.

Основное внимание книжников было направлено на положение героев в мире людей, на их общественные характеристики. Так, к примеру, сообщая об Александре Невском («Житие Александра Невского» XIII в.) признаковую характеристику, эпитет «великий защитник» и эпитет «солнце земли Суздальской» («плетение словес») добавляют к развивающейся теме новую качественную характеристику героя, его общеизвестность с положительной стороны, его нравственно-этичес-

кую эталонность для русских людей. Денотативное пространство с положительной коннотацией возникает вокруг имени Александра, спасителя земли русской: «Отец же его князь великий Александръ възвратися из Орды от царя, и доиде Новагорода Нижняго. И ту пребывъ мало здравъ, и, дошед Городца, разболеся. О горе тебе, бедный человеце! Како можеши написати кончину господина своего! Како не упаде тати зеници вкупе съ слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! Отца бо оставити человекъ может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзе, и въ гробъ да лезль с ним!... Митрополит же Кирилъ глаголаше: «Чада моя, разумеите, яко уже заиде солнце земли Суздальской!» [3, 126; 127]. Данный отрывок позволяет провести аналогию: для русских историческая значимость Александра Невского так же велика, как значимость Александра Македонского для греков (имена – вехи в менталитете любого народа!). Почти всегда в житийной литературе имя являлось сильным тактическим средством эмоционального воздействия на читателей.

Восприятие того или иного житийного имени может различаться, что проявляется в актуализации черт и качеств одного и того же персонажа. В результате чего имя получает дополнительные коннотации. Анализ языковых средств житийной литературы позволил выявить ряд стандартных эпитетов, входящих в семантическую структуру имени, способствующих расширению его содержания и дающих ему интересные и значимые дополнительные смыслы, характерные для исследуемой эпохи (блаженный, преподобный Авраамей; великий и христолюбивый князь Мъстиславъ Смоленский; честный архангелъ Михаилъ; благочестивый Игнатий; благой и благоносный, богодухновенный Федосии; благоверная жена Аглаида и др.): «Бебо сей блаженный Авраамей отъ верну родителю рождся, беста и та въ законе господни добре живуща благочестно» [4, 68]; «Тем же и подружье его Аглаида, жена благоверна, зела боящися бога, по вся дни заповеди его творящи и молящися...» [2, 99]. Традиционная житийная литература, соблюдавшая определенные правила жанра (условный канон), сводилась к тенденциозному подбору таких черт характера святого, которые способствовали идеализированному представлению о нем как о христианском подвижнике. Все языковые средства, используемые в агиографии, мотивированы замыслом авторов, их идейными установками.

Имя собственное, как правило, связано в сознании получателя агиографического текста с хорошо известным ему лицом, то есть субъект в данном случае является максимально определенным. Поэтому наименование уже известного субъекта-лица должно указывать лишь на такие признаки этого лица, которые способны помочь читателю определить, о ком именно идет речь. В то же время агиограф имеет потенци-

альную возможность отразить в имени подвижника наряду с известными и такие признаки, которые являются новыми для читателя, способствующими полной определенности субъекта. Личные имена в житийной литературе выступают в особой эстетической функции, которая наслаивается на основную коммуникативную функцию произведения. В агиографической антропонимике на первый план наряду с номинативной (назывной) и определяющей функцией выходит характеризующая, эмоционально-экспрессивная функция.

Концептуальной семантикой наделены имена-архетипы, выработанные на основании библейских и евангельских текстов: Соломонъ / Соломанъ – «мудрость»; Пилать – «преступление», «преступный, несправедный суд»; Июда – «предательство», «подлость», «злоплодие», «душепагубство»; Каинъ – «зависть», «зло», «братоубийство», «пролитая кровь», «душеубийство»; Иоанъ Златаусть – «учение», «знание»; Самсонъ – «сила»; Еуспесианъ (царь римский) – «храбрость»; Иовъ – «терпение»; Иосифъ – «красота» и др.: «...яко же великий Иоанъ Златоустъ учить, чемерить день поминаеть, и самъ господь, и всисвятии его се проповедають, его же и збежати негде, ни скрытися...» [4, 76]. Эти имена являются носителями информативного поля. Явлению использования имени-этимона отвечает фактор превращения имени в символ. Это подтверждает следующий отрывок: «Но и взоръ его паче инех человекъ, и глас его – акы труба в народе, лице же его – акы лице Иосифа, иже беспоставилъ его египетский царь втораго царя въ Египте, сила же бе его – часть силы Самсона, и даль бе ему богъ премудрость Соломона, храбрость же его – акы царя римскаго Еуспесиана, иже бе пленилъ всю землю Иудейскую» [3, 120; 121].

Толкование именных концептов может быть полезно в качестве указателей на определенные области значений и применяться как инструмент глубокого семантического анализа. В древнерусском языке за каждым подобным именем скрывается широкий спектр различных функций: определенность, превознесение, восхваление, почитание, преклонение и т. п.

Особое место в христианской антропонимике занимают, так называемые, сакральные имена, составляющие значительную часть эксплицированных субъектов, выраженных именем существительным (Богъ, Богородица, Ангель, Иисусъ Христосъ, Святый Духъ, Мария Магдалина, Адамъ и др.). К сакральным именам относятся антропонимы типа Архистратигъ Михаилъ, Святый Антоний, Иоанъ Фелогъ, Григорья Богословець, Иоанъ Златоустъ, Иоанъ Предтеча, Иоанъ Креститель, верховный пророкъ Моисей, апостоль Павелъ, в которых присутствует имя собственное и название титула (или рода деятельности) [1, 99]. Так, именование Архистратигъ – «военачальник» – в контекстах об ар-

хангелах Михаиле и Гаврииле приобретает значение «воеводы небесных сил», доминирующей становится религиозная семантика. Сочетания типа Святый Антоний, содержащие антропонимический компонент, в первую очередь направлены на обозначение сакрального наименования, поэтому тоже включаются нами в эту семантическую группу: «А Павелъ апостоль, вселеняя учитель, глаголетъ: “Что осужаете чюжаго раба?”» [4, 84].

В XII, XIII, XIV веках, как известно, шел процесс усвоения иноязычных имен. К XIV веку многие заимствованные христианские имена стали привычными и понятными. Тем не менее, в текстах исследуемого периода в позиции определенного личного субъекта очень часто встречаются именованья, состоящие из двух компонентов – заимствованного (христианского) и самобытного (языческого) (*Петръ Туровичь, Илья Щепановичь, Тимофей Волуевичь, Андрей Серкизовичь*). В исследуемый период сложился характерный способ именования, при котором разговорный («ославяненный») вариант крестильного имени сочетался с мирским прозвищем (*Василь Моиза, Иванъ Лекинъ, Микифоръ Станило, Мика Брадатый, Даниль Небяста, Степанъ Медушникъ, Алексей Волынецъ, Григоръ Водмоль, Олексей Орешко*). Присутствуют в анализируемых текстах и такие имена, которые можно рассматривать одновременно и как языческие, и как христианские в силу их канонизации (*Борисъ, Глебъ, Ольга / Вольга, Володимеръ*).

Важной особенностью памятников XII–XIV вв. является тот факт, что в них мало представлен пласт женских имен (для сравнения: мужских имен 1500, женских – 38). При перечислении детей в наших текстах имена дочерей даже не упоминаются. Лица женского пола, не принимающие участия в общественной деятельности, оставались в кругу семьи со своими внутрисемейными именами или же именовались по мужу, отцу с учетом их возраста (Княгыня Романовая, княгыня Юрьева, Стратиговна, Ярославна и др.) [1, 108]. В данных примерах лица женщин, участвующих в описываемых событиях, определяются по имени мужа или отца, известных читателям из предшествующего контекста или фонда общих знаний. Если для группы мужских имен естественна мотивация «мужества», коннотирующая в компонентах «ярость», «рать», «меч», «власть», то для группы женских имен характерны доминанты «красота», «женственность», «любовь». Большое значение в личных именах имеет наличие модального компонента. Автор, называя имя персонажа, часто выражает к нему определенное отношение – позитивное или негативное. Экспрессивность антропонимов обусловлена сферой их употребления и узаконена в русском языковом сознании. Наличие эмоциональной окраски определяет частот-

ность в ряду субъективно-оценочных образований типа: Симеонъ-христолюбче, Буй Турь Всеволодь, Святополкъ Окаянный, Акирь Премудрый, Пиминъ-постникъ, Матфей Прозорливецъ и др. Эмоционально-оценочный компонент антропонима в исследуемых текстах определяет также высокую степень качественности их семантики и постепенно смещает акцент с функции номинации на функцию оценки. Житийное имя собственное в текстах XII–XIV вв. становится сигналом смысла. XIV век является своеобразным рубежом в истории древнерусской антропонимики [1, 110]. Решающую роль в этом сыграли реально происходившие события: начало объединения русских земель и сложение централизованного государства. Это характеризуется растущим влиянием церкви на все сферы общественной и государственной жизни, в том числе, и на именование людей.

Выводы. Житийные имена собственные носят в основном оценочный характер, выявляющийся при анализе словарных толкований личных номинаций, а также в контексте. В основе житийного имени собственного лежит сочетание социального и индивидуального стереотипных представлений о ценностной картине мира. Личные имена широко использовались книжниками Руси в качестве изобразительно-выразительного средства.

Перспективы. Данная статья включает лишь часть имеющегося у нас лингвистического материала. При анализе житийного имени собственного как свернутого потенциала духовной жизни народа, возникает пограничная проблема, требующая специальной разработки: изучение житийного имени как пары светского личного имени. Это поможет, исходя из идеи языковой и культурной диглоссии, проследить проникновение в письменный текст народно-разговорной языковой стихии.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Семантика и формы личного прямого субъекта в древнерусском языке XII–XIV вв: дис. ... канд. филол. наук Ставрополь, 2003. 209 с.
2. Житие Алексия – Житие святого человека божия Алексия // Хрестоматия по древней русской литературе. М.: Просвещение, 1973. С. 99–105.
3. Житие А.Н. – Повесть о житии Александра Невского // Воинские повести древней Руси. Л.: Лениздат, 1985. С. 120–154.
4. Житие А.С. – Житие Авраамия Смоленского. ПЛДР: XIII в. М., 1981. С. 66–105.

CONCEPTUALIZATION OF A SAINT PROPER NAME
INTO OLD RUSSIAN LITERATURE
OF THE XII-XIV CENTURIES
AS CURTAILED POTENTIAL OF SPIRITUALITY OF PEOPLE

Aleshina Larisa Nikolaevna,

*Ph.D., Associate Professor of
Russian state social University (Moscow)
tel.: +7 916 940-99-24, e-mail: laura_70@bk.ru*

In article the semantic and ethical potential of a name according to the studied era is described. Research objectives are: determination of features of language expression of a hagiography name in written monuments of the studied period; identification of the case of the names participating in transfer of a subject picture of the world; description of semantic space of a hagiography proper name. In work the following all-gnoseological methods of knowledge are used: supervision, comparison, the classifying method of the description of a hagiography name – group of words on the motivating signs; contextual analysis; semantic analysis. The description of estimated character of a hagiographical name is result of research. In research conclusions the author claims that the combination of social and individual stereotypic ideas of a valuable picture of the world is the cornerstone of a hagiography proper name. Personal names were widely used by scribes of Russia as a graphic means of expression.

Keywords: hagiography, personal name, concept, standard, ideal, assessment.

References

1. Aleshina L.N. Semantika i formy lichnogo pryamogo subyekta v drevnerusskom yazyke XII–XIV vekov. Kand. diss. [The semantics and forms of personal direct subject in the ancient language of XII–XIV centuries. Cand. Diss.]. Stavropol, 2003. 209 p.
2. Zhitie svyatago cheloveka bozhiya Aleksiya [The Life of Saint Alexis the man of God] // Hrestomatiya po drevney russkoy literature [Anthology of Old Russian literature]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1973. Pp. 99–105.
3. Povest o zhitii Aleksandra Nevskogo [The story of the life of Alexander Nevsky] // Voinskie povesti drevney Rusi [Military tales of Old Russia]. Leningrad: The Leningrad publishing house, 1985. Pp. 120–154.
4. Zhitie Avraamiya Smolenskogo. Pamyatniki literatury drevney Rusi: XIII vek [Life of Abrahamiy Smolenskiy. Literary monuments of Old Russia: XIII]. Moscow, 1981. Pp. 66–105.